

Философские проблемы истории науки

УДК: 1(091)

DOI: 10.15372/PS20250306

EDN: RORCNP

М.Н. Вольф

РОЛЬ КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Статья посвящена анализу парадоксальной роли философии И. Канта в формировании исторического поворота. Основная проблема заключается в том, что сам Кант отвергал применимость эмпирической истории к философии, настаивая на ее априорной строгости, но именно его критическая система стимулировала переосмысление философского знания как исторически обусловленного. В работе раскрываются пять ключевых идей: 1) кантовский «коперниканский переворот» как прообраз последующих философских «поворотов»; 2) интерпретативная трудность кантовской системы как источник герменевтической традиции; 3) идея прогресса разума как основание историко-философского мышления; 4) различие между историческим поворотом и историзмом; 5) вклад неокантианства и гегелевской философии в закрепление исторического подхода. Автор показывает, что исторический поворот не был внешним по отношению к кантианству, но вырос из дискуссий Канта с современниками, внутренних напряжений кантовской системы и реакции на нее, особенно в XIX–XX вв. В итоге, философия, долгое время практиковавшая отказ от исторического метода, в XX в. приобретает черты исторически рефлексивной дисциплины.

Ключевые слова: Кант; исторический поворот; интерпретативный поворот; интерпретация; неокантианство; историзм; философия истории; метод; прогресс

M.N. Volf

THE ROLE OF KANT'S CRITICAL PHILOSOPHY FOR THE HISTORICAL TURN

This article analyzes the paradoxical role of Kant's philosophy in the emergence of the historical turn. The central issue is that while Kant rejected empirical history as a foundation for philosophy, his critical system provoked a rethinking of philosophical knowledge as historically conditioned. Five core ideas are explored: 1) Kant's "Copernican turn" as a model for later philosophical turns; 2) the interpretive opacity of his system as the origin of the hermeneutic tradition; 3) the concept of rational progress as a basis for historical philosophy; 4) the distinction between the historical turn and historicism; 5) the roles of Neo-Kantianism and Hegelianism in consolidating the historical approach. The author argues that the historical turn grew out of Kant's discussions with his contemporaries, the internal tensions of the Kantian system and the reaction to it, especially in the 19th–20th centuries. As a result, philosophy, which for a long time had rejected the historical method, in the 20th century acquired the features of a historically reflexive discipline.

Keywords: Kant; historical turn; interpretative turn; interpretation; Neo-Kantianism; historicism; philosophy of history; method; progress

Лингвистический поворот признается наиболее влиятельным в философии XX в. На фоне других философских процессов спустя столетие в литературе его характеризуют как всеобъемлющий *мегаповорот* или даже как революционный сдвиг парадигмы гуманитарных наук, поскольку именно он послужил основой теоретической переориентации не только всей философии, но и многих гуманитарных дисциплин [9, р. 1]. Однако это только один взгляд на динамику развития гуманитарных наук, поскольку лингвистический поворот не исчерпывает всего множества процессов. Он послужил удобной описательной моделью, на основании которой были построены исследовательские модели для иных культурных и интеллектуальных процессов, в результате чего стало возможным говорить о других поворотах: в философии об эпистемологическом, прагматическом, метафизическом, семантическом; в смежных с ней областях – историческом, риторическом, вычислительном, интерпретативном, перформативном, культурном, экономическом, экологическом и многих дру-

гих. Это многообразие дало основания современной истории философии говорить о XX в. как о «веке поворотов». То общее, что объединяло все эти повороты – демонстрация крайне высокой степени дифференцированности гуманитарных наук, отказ от канонов и формирование новых теоретических и методологических подходов в каждой из областей.

Можно сказать, что такая поворотная ситуация в европейской философии обязана новаторским взглядам И. Канта. Выражение «коперниканский переворот», которое Кант использует в специфическом значении, характеризуя свое новое понимание метафизики в «Критиках», чем провозглашает оригинальный, критический тип рациональности и ставит предметы в прямую зависимость от человеческого знания или познания, что в какой-то момент начинает символизировать революционный характер кантовской философии в целом. Конечно, философская революция не произошла немедленно после выхода в свет «Критик»; в некоторых случаях отрефлексировать революционные последствия кантовских идей стало возможным только в XX в.¹ – веке «поворотов».

К слову сказать, генезис критической философии Канта, радикальные трансформации, которые претерпевал идеи на протяжении его философской карьеры, периоды и подпериоды развития кантовской философии также характеризуются в терминах *Umkipprungen*, *Kehren* – поворотов, переворотов, и *Umkipprungen* – это собственный термин Канта [4, с. 251]. Можно на этом основании сказать, что «поворот» и «переворот» («твист» в англоязычной традиции) – это в некотором смысле кантовский термин, который, в соответствии с кантовским видением, подразумевает определенные изменения, необязательно радикальные, но происходящие вследствие в равной мере ошибок и озарений, зависящих от метода [4, с. 251 (сн. 138)], и в современном понимании именно установление и функционирование нового метода нередко с отказом от доминировавшего канона характеризует наступление поворота.

Однако и сам Кант жил в эпоху одного из наиболее острых поворотов или, пользуясь другой терминологией, в одну из переломных

¹ Например, проблема синтетических априори, активно дискутируемая в рамках спекулятивного поворота.

эпох, которые являются движущими силами философии². Век Канта – это трехстороннее противостояние: с одной стороны, религии и теологии, с другой – философии, а с третьей – естественных и гуманитарных наук, в котором каждая из сторон пыталась отстоять или вернуть свое главенство, авторитет и влияние на общество. Развитие наук повлекло за собой массовый кризис веры и религиозных убеждений европейского общества, следствием чего стал подрыв моральных основ, что привело к осознанию возможных социальных последствий, а это, в свою очередь, простимулировало вступить в игру философию, перехватив интересы религии и теологии.

Процессы трансформации, переживаемые обществом времен Канта, мировоззренческие особенности этой эпохи в философской историографии именуют «натуралистическим поворотом» [19]. В поисках ответов на вызовы натуралистического поворота Кант предлагает радикально переосмыслить природу человека. Как представитель третьей силы – философской стороны – Кант не обесценивает ни науку, ни религию, он пытается показать, что все его оппоненты в построении подлинной картины мира двигались в ложном направлении, и что их физикалистские, механистические или спекулятивные теологические основания не дают истинного представления о конечной реальности. Искать ее следует в самой сущности человека, но для этого нужно новое, альтернативное и строгое рациональное прочтение его природы. Такой действительно радикальный переворот сцены, переключение объективного и субъективного, потребовало ревизии прежних представлений, отказа от детерминизма и материализма, и соответственно, создания новых метафизики, морали, истории и политики.

Поворотные процессы после Канта не только переосмыслили философскую методологию, но и определили ее новый вектор – от универсальных истин к их историческому осмыслению, приведя в конечном итоге к историческому и/или интерпретативному поворотам³. «Исторический поворот» – продукт отнюдь не XX в. Он обозначился в XVIII в. и совместил в себе несколько направлений: зарождаю-

² О переломных эпохах см.: [2, с. 73-94].

³ Эти два поворота имеют общий генезис и тесно связаны, в некоторых контекстах нет особенного смысла их различать. Ниже скажем об этом подробнее.

щийся историзм, кантовскую систему, изложенную в «Критиках», а также дальнейшее ее философское осмысление у Г.В.Ф. Гегеля и неокантианцев, но уже с учетом влияния набирающего вес историзма.

Для самого Канта и его системы вопросы истории и сопряженные с ними вопросы субъективности и эстетики играли второстепенную роль. Амбициозные цели по пересмотру исходных философских оснований требовали от Канта принципиального сосредоточения на содержании и тщательной проработке основ новой системы, которая если и смогла бы оказать влияние на такие «субъективные» дисциплины как история, то только в своей дальнейшей реализации на уровне просчитывания или оценки следствий из этой системы. Сам же Кант практически не выходил за рамки конструирования критической системы и практически не обращался к построению смежных философских дисциплин на новых, им предложенных, принципах. Кроме того, Кант был убежден, что его философский стиль является вполне строгим и научным. Однако он не казался таковым его читателям и последователям, по крайней мере, не был для них вполне ясным. В силу этого читатели Канта столкнулись со значительными трудностями интерпретации его положений, как следствие возникает необычный и принципиально новый на тот момент феномен организации целого философского направления: не вокруг обсуждения и уточнения доктрины, проблем или сопутствующих им вопросов, как это бывало ранее, а вокруг, с одной стороны, критических откликов на предложенную систему, а с другой, вокруг затруднений с пониманием и интерпретацией некоторых положений (что особенно ярко прослеживается в неокантианстве⁴). В итоге складывается некая общая герменевтическая тенденция, стержнем которой является интерпретативный поворот (одной из частей которого, наряду с субъективным и эстетическим, является исторический поворот), и вместе они определяют лицо целой эпохи философствования после Канта, инспирированной его работами [7; 8, р. 31]⁵.

⁴ Попытки и подходы к интерпретации кантовских идей в неокантианстве обстоятельно изложены в следующих работах: Марбургское неокантианство см. в: [16]; Баденское неокантианство в лице В. Виндельбанда см. в: [12].

⁵ Об интерпретативном повороте вне кантовского контекста см.: [18]. В рамках интерпретативного поворота центральной концепцией стала не интерпретация,

Историки философии нередко задаются вопросом о существовании прогресса в философии [14, р. 13-24]⁶. Так и в случае с Кантом у нас есть все основания спросить: действительно ли кантовская философия являет нам образец прогресса, гениальной организации новой системы или это лишь пример нового формулирования⁷, причем не самый удачный, потребовавший от его последователей колоссальных усилий по прояснению даже не самих концепций, а формулировок, в которых они выражены. Кантовские формулировки требовали разъяснений, которые сами оказались не слишком легко и изящно сформулированными, и уже в свою очередь требовали интерпретации выводов относительно интерпретации трудных мест и т.д., так что в итоге вместо ряда альтернативных интерпретаций получилась матрешечная конструкция, где каждое последующее поколение философов настаивало на том, что кантовский критический

а скорее текст и текстуальность. «Текст» как концепция обеспечивает связанность культурных объектов, и в этом случае можно говорить о культуре как тексте и равным образом все прочие феномены также могут быть поняты как текст, который необходимо прочесть и проинтерпретировать. В нашем случае интерпретация понимается буквально, в конкретном герменевтическом ключе: непосредственное объяснение истории, субъективности, восприятия (эстетики) с учетом различных подходов и систем, в которые они вписаны, и их роли в развитии человечества.

⁶ Согласно Э. Кенни, прогресс в философии можно понимать двояко – в аристотелианском или витгенштейнианском смысле. Первый ставит вопрос о понимании, систематизации и организации того, что уже известно в философии, но поскольку философия всеобъемлюща, то и организация знаний настолько сложна, что сделать это может только гений, это идея позитивного прогресса – перехода от одной системы организации философского знания к другой. Второй – вариант негативного или терапевтического прогресса, когда более поздние философы обнаруживают и исправляют ошибки более раннего, и задача философии состоит в том, чтобы излечить от интеллектуальных болезней – освободить нас от чар нашего интеллекта. Хотя, если задачи и достижения философии различаются от века к веку, то и соблазны к заблуждениям в разные века столь же различны.

⁷ О возможности интерпретировать философию как *набор предложений, сформулированных в некотором исторически обусловленном словаре* и затруднения, связанные с таким пониманием, см.: [6] (особенно Часть I. Случайность). Ниже, обсуждая историзм и его формы, мы предлагаем читателю соотноситься с этим «определением» и иметь в виду, что контекстуалистские и релятивистские формы историзма исходят из подобного же определения.

проект был неправильно понят их предшественниками, и в конечном итоге он оброс, по выражению К. Америкса, «вложенной серией глубоких критических недоразумений» [8, р. 32]. Если для XX в., особенно для истории философии, множественные интерпретации некоторых затруднений или учений уже стали нормой, то для первых читателей Канта и его последователей это было явным кризисным моментом, который сам по себе требовал решения. Поначалу те интерпретации, которые выглядели для их критиков несостоятельными, представлялись не иначе как «недоразумения», но постепенно и сами эти «недоразумения» становились влиятельными и вполне respectable идеалистическими системами, например, учения Ф.Г. Якоби, И.Г. Фихте или Г.В.Ф. Гегеля, хотя на деле их можно представить как пояснения и поправки к предшествующим интерпретациям, устраняющим неточности или неясности. Тем самым, весь XIX в. подготавливалась почва для интерпретативного поворота, превращая философию в некое «герменевтическое предприятие по пониманию и улучшению своих современных предшественников в подробной последовательной манере... с мотивацией... нахождения способа выразить... глобальное понимание курса и значения философии вплоть до ее последних разработок» [8, р. 33]. Следует заметить, что эта манера, в полезности которой сегодня никто сомневаться не станет, оказалась в конечном итоге свойственна не только гуманитарным наукам или истории философии, но в таком изложении вполне приложима и к аналитической философии, активно взаимодействующей с логикой и математикой.

Сам по себе интерпретативный поворот как будто чувствительно снижает уровень элитарности философского предприятия, низводя его на уровень «разговоров»⁸ и позволяя любому, кто способен предложить собственную интерпретацию, встать в один ряд с философскими гениями прежних эпох. Однако философия в рамках интерпретативного поворота сохраняет свою автономию, не смешиваясь,

⁸ «Разговор» – еще один технический термин Р. Рорти наряду с «формулированием», который отражает специфику философствования в неопрагматистской и релятивистской философской среде XX в., непосредственно связанную с развитием, итогами и особенностями дискурса в рамках интерпретативного и исторического поворотов. См.: [6].

например, с литературой, поскольку в силу своего исконного стремления к истине все-таки нацелена на поиск наилучшего объяснения или единственно верной интерпретации, и в случае обретения таковых (пусть даже временных, на несколько десятилетий) подпитывает нашу веру в ее (философии) прогресс, который обеспечивается пусть не единственно истинным объяснением, то хотя бы силой наиболее весомой аргументации.

Иногда историография стремится сделать участниками интерпретативного поворота не только последователей Канта, особенно неокантианцев, практически полностью посвятивших себя задачам переинтерпретации, но и самого Канта, подчеркивая значение используемого им понятия *Deutung*, которое чаще рассматривают не в буквальном значении как *интерпретацию*, а в более примитивном смысле *истолкования*⁹. Значимость этого понятия проявляется из собственного кантовского контекста: различие двух типов интерпретации, доктринальной или аутентичной, возникает при обсуждении особого вида суждений – рефлексивных, то есть суждений о целях природы, религии, морали и истории, выносимых людьми без знания достоверной картины реальности. Чаще к доктринальной интерпретации прибегают, выдавая собственный человеческий перцептивный или жизненный опыт, представления, спекулятивную убежденность в чем-либо за такие, которые имеют ценность и значение «сами по себе», но на деле они остаются значимыми не в контексте истории как таковой, а только человеческого опыта об истории, или не как знание божественного плана вне какой-либо привязки к человеческому измерению, а только как человеческое понимание замысла Бога. На деле, полагает Кант, следует стремиться к аутентичным интерпретациям, но часто люди довольствуются только доктринальными, сопровождаемыми рефлексивными суждениями. Это пример того самого редкого случая, когда Кант обращается к своего рода «следствиям» из своей системы, показывая, что без достижения конечной реальности и обращения к ней люди не в состоянии вынести корректных суждений о «текущих» ситуациях в области религии, истории, истории философии, и что в таких условиях приходится

⁹ Подробнее об интерпретации у Канта см.: [15].

довольствоваться *интерпретациями*. Этот нюанс в различении значений *Deutung* позволяет говорить о том, что интерпретативный поворот был инициирован уже самим Кантом, а не попытками интерпретации не всегда ясных его читателям рассуждений.

Как мы отметили выше, частью герменевтического комплекса и отчасти отождествляемым с интерпретативным поворотом является исторический поворот. Матрешечный принцип интерпретации складывается исторически, предполагая смену интерпретации посредством смены философских поколений, в исторической перспективе, а потому без учета историцистских принципов и поправки на исторический контекст он бы не состоялся. Однако исторический поворот обладает своей собственной спецификой. Нет сомнений, что философия стремится к отысканию или формулированию вечных истин, которые не зависят от времени или культурных изменений. Тем не менее, такое привычное аисторическое измерение философии, в целом характерное для античной, средневековой, нововременной философии, а в XX в. возрожденное аналитическими философами, начинает размываться с появлением в конце XVIII в. нового идейного течения – историзма, претендующего на создание метода понимания реальности или даже установления истины о мире, согласно которому учет исторического контекста и культурного разнообразия, а не стремление к высшим или божественным принципам, являются главными критериями познания.

Вплоть до XVIII в. философию мало интересовала история или историческая составляющая философского знания. Исторические пассажи, если и присутствовали в философских текстах, то носили вводный, вспомогательный характер, служили демонстрацией несостоятельности предшествующих рассуждений, как, например, в *Метафизике А* Аристотеля. Согласно Аристотелю, долгая история поисков знания наконец готова завершиться окончательной систематизацией этого знания в его научных проектах и прежде всего в проекте создания так называемой Первой философии. Спекулятивная, внеисторическая и априорная – именно так можно было бы охарактеризовать предпочтения философии. Пожалуй, единственная уступка истории со стороны философии, начиная с Античности – это признание преемств, линий учительств-ученичеств, но и в них важна была не сама

хронологическая составляющая, а дискурсивность и дискуссионность процесса передачи знания от поколения к поколению, что либо указывало на его традиционность, позволяя достоверно проследить авторитетный источник знания, либо, наоборот, опиралось на требование разорвать нить традиции, подчеркивая принципиальную новизну и оригинальность умозаключений нового поколения философов и ошибочность рассуждений прежнего. Идея аисторичности философии, сопровождающая ее на протяжении всего ее существования, крайне жизнеспособна, и среди наших современников ее активно пропагандировали аналитические философы. Сегодня ей противостоит не менее авторитетная позиция историзма/историцизма, который стал проникать в философию в XVIII в. Во второй половине XVIII в. возникает идея, что философия не может рассматриваться независимо от географических и социальных условий развития того или иного общества и цивилизации, и коль скоро эти условия предельно разнообразны, то и выстроить некую единую линейную схему прогресса философии невозможно. Иными словами, в XVIII в. у философии появляется грозный конкурент в лице историзма¹⁰. Именно дискуссии Канта и Гегеля с историзмом – на разных основаниях и с разными результатами – определили содержание и направление всего исторического поворота вплоть до настоящего времени.

Кант с его убежденностью, что историческое познание, опирающееся на факты, является эмпирическим, что таким образом осуществленное познание, то есть помимо рациональных принципов, не будет являться необходимым и что по той же причине нет смысла, исходя из эмпирических предпосылок, изучать философскую историю, поскольку она не в состоянии будет продемонстрировать развитие рациональности и человеческого ума [1, с. 53–63; 13], очевидно не мог бы стать ключевой фигурой в становлении историзма. Однако преобразование им философского мышления явным образом повлекло изменения и в историческом мышлении. Вероятно, наиболее значимой в этом контексте является его идея «прогресса разума»,

¹⁰ Емкое изложение понятия историзма (или историцизма) с учетом его значения для развития философии представлено в: [10, S. 143–155]. Для наилучшего понимания возникновения и содержания историзма можно обратиться к [5].

которая и определила развитие последующих концепций исторического развития и, прежде всего, гегелевских идей. И что наиболее важно, именно в рамках данного контекста проблема истории философии, поставленная Кантом, впервые определяется как философская проблема.

Ф. Мейнеке, анализируя истоки историзма в немецкой культуре, говорит о двух группах германских интеллектуалов, которые имели отношение к формированию историзма: одна подготавливала этот процесс за счет подъема духовной жизни в целом (И.И. Винкельман, Ф. Шиллер и И. Кант), другая непосредственно формировала сам метод (Ю. Мёзер, И.Г. Гердер и И. Гёте) [5, с. 224–225]. При этом, если вклад Шиллера и Гёте, принадлежащих разным группам, рассматривается в контексте их близких дружеских отношений [5, с. 225], то Кант и Гердер оставались непримиримыми врагами, несмотря на то что Гердер был учеником Канта и несмотря на значительное сходство подходов к понятию истории с рационалистических и прогрессистских оснований. Их разногласия начались после кантовской критики «ненаучного» труда Гердера «Идеи к философии истории человечества»¹¹ и уже не прекращались, хотя при этом вклад Гердера

¹¹ Подробнее об этом труде Гердера см.: [5, с. 313–336]; о разногласиях и сути кантовской критики Гердера: [4, с. 399–416].

Канту предложили написать рецензию на «Идеи» Гердера, он согласился и отнесся к работе негативно, несмотря на дружеские отношения между ними, фактически оскорбив Гердера, подчеркнув несостоятельность авторского метода, зависимость скорее от характера самого автора: Кант отказал Гердеру в логической точности в определении понятий, в отсутствии доказательств, обвинил в приверженности аналогиям, основанным на смелом воображении – по сути назвал Гердера выдумщиком и фантазером, не имеющим ясного представления о предмете, о котором тот пишет [4, с. 399–340]. Кант и Гердер не поняли друг друга: Кант не понял аргументов Гердера и не принял его метод, Гердер не принял критики Канта и был возмущен и обижен тем, что Кант отнесся к нему как к школяру, пожурился, словно за слабую студенческую работу. В ответ Гердер не публично обвинил своего критика в плагиате. В письме Гаману он пишет: «...я узнаю об одной статье Канта в *Berlinische Monatsschrift*, тоже под названием “Идея истории человечества”, но только “во всемирно-гражданском понимании”»; и, читая, понимаю больше о рецензии, но не о характере этого человека. Ведь это так злонамеренно и по-детски – взять из предисловия план незавершенной, даже едва начатой книги, построить на нем идею в совершенно том же ключе и при этом

в понятие истории будет оставаться куда более значимым, нежели вклад Канта¹².

Несмотря на резкую критику вклада Гердера в формирование историцистского метода¹³, не исключено, что Кант с его системой мог, как показывает Мейнеке, оказаться под влиянием зарождающихся идей историзма. К 1700 г., возникнув, историзм сразу заявил о себе как о потребности в более критичном рассмотрении исторического материала, к которому, по аналогии с естественными науками, были применены более строгие методы, в том числе скептический и критический, и последний применялся не только в качестве критики источников, но и в качестве предметной критики событий. Кант послужил проводником этих идей, дав критическому подходу строгие основания, а также, как пишет Мейнеке, внутреннюю уверенность, и истоки этого подхода, как кажется, связаны «с развитием исторического понимания» [5, с. 33].

На первый взгляд вырисовывается достаточно простая дихотомия: классический аисторический подход в философии, достигший кульминации в кантовской критической системе, противостоит пост-

делать вид, будто в мире нет подобных книг...» [4, с. 404]. Гердер имеет в виду статью Канта «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» [3, с. 5–23], без отсылки к которой не обходится практически ни одно обсуждение кантовского понимания истории и ее возможного прогресса.

¹² Согласно Мейнеке, Гердер подчеркивает ценность любого явления и эпохи, настаивая, что они являются не только средством, но одновременно и средством и целью. И хотя сам Гердер в своем «универсально-историческом воодушевлении» иногда придавал большое значение эпохам как ступеням развития в ущерб их ценности, он чувствовал эту ценность, что и привело его на вершину исторического формирования идей и раннего историзма, а с этой вершины можно уже видеть и другие вершины, завершающиеся творчеством Л. фон Ранке [5, с. 310]. Значимость изысканий Гердера понятна: «Подлинное историческое величие Гердера заключалось в том, что он, также впадая в ложную идеализацию первобытного времени, с самого начала подчеркивал его безвозвратность и тем самым относительность и применял отныне тот же релятивизм ко всем историческим явлениям» [там же]. Следует отметить, что в XX в. релятивизация является наиболее значимой характеристикой исторического поворота и нового историзма.

¹³ Кант внимательно и ревниво следил за публикацией последующих томов гердеровских «Идей». На вторую часть он снова пишет рецензию, на третью часть ввиду недостатка времени он поручает писать рецензию Х.Я. Краусу [4, с. 406, 448–450].

кантианской традиции с ее внимательным отношением к историческому контексту, за точку отсчета которой могут быть приняты труды Гердера. На деле все сложнее, и внутри самого историзма следует различать разные его вариации [7, р. 6]: историзм, приписываемый Гердеру, на который «Критики» Канта не оказали никакого влияния, и историзм более философского плана, например, гегелевский, ощутивший мощное влияние Канта и выражающий глубокий *неисторический* интерес к истории [1]. Такое уточнение ведет к более глубокому пониманию сущности «исторического поворота», а именно наличия фундаментального контраста «между историцизмом как таковым – как радикально новым способом мышления, который в конечном итоге подрывает всю идею систематической философии как отличительного и прогрессивного предприятия – и более сложным и умеренным обращением к историческим соображениям, “историческим поворотом”, который включает в себя радикальное изменение философии в отношении стиля ее выражения, при этом все еще оставляя место для ее постоянной и не относительной ценности во многих ее систематических утверждениях. Если быть более точным, то существует по крайней мере четыре различных вида явлений, играющих особенно значимую роль в немецкой мысли конца восемнадцатого века, которые следует различать: (а) растущий и подробный интерес к историческим фактам как таковым, но такой, который может не оставить никакого следа в философии, разве что предоставить случайные примеры для иллюстрации различных идей; (b) крайне оптимистичный взгляд, что история функционирует в философии в значительной степени как в науке и поэтому (учитывая довольно простую модель научного прогресса) имеет прозрачную прогрессивную форму, чье основное рациональное содержание может быть адекватно выражено даже без прямого обращения к историческим соображениям; (с) релятивистское использование истории для философских целей, то есть историзм; и (d) сложная презумпция исторического поворота – то есть философская позиция, которая выходит за рамки (а) и (b), но воздерживается от (с), подчеркивая, что исторические соображения являются важнейшей частью эффективного представления по крайней мере некоторых аргументов, центральных для философии как развивающейся систематической дисциплины» [7, р. 6].

Чтобы не углубляться в детали, мы оставим без комментария эту систематизацию, просто примем ее здесь как итоговую схему развития историцизма, все нюансы которой позволяют увидеть и всю многогранность посткантовских попыток примирить историцизм с критической философией. Даже если Кант не до конца разобрался или, вернее, не достаточно ясно определил идею чистого разума, а потому и не смог задать ее истинное и однозначное содержание таким образом, чтобы она не вызывала споров у его последователей, он тем не менее, продемонстрировав роль рассудка в процессе познания и определив границы разума с учетом изложенной в первой «Критике» истории чистого разума, показал эвристический потенциал категории развития, которая опирается на критицизм, который, в свою очередь, основывается на историзме¹⁴.

Не разрабатывая прямо вопросов исторической истины и присущей ей субъективности, Кант косвенно оказал значительное влияние на формирование исторического мышления, и особенно – на формирование в неокантовской философии того современного и привычного нам модуса истории философии¹⁵, который в полной мере раскрылся в XX в. как попытки примирения философии со своей историей. Однако между Кантом и неокантовцами пролегла целая эпоха, в которой историзм должен был примириться с философскими подходами, прежде всего речь идет о гегелевском соединении исторического и рационального.

Возвращаясь к вопросу о возможности прогресса в философии и к двум его трактовкам, аристотелианской и витгенштейнианской, мы можем спросить себя, чем же считать кантовскую философию: результатом труда вспыхнувшей на небосклоне звезды гения, создавшего величайшую систему и показавшего безусловный прогресс философии или просто упражнениями *следующего* философа, кото-

¹⁴ О том, каким образом в классическом понимании истории философии поиски истины в отдельных философских системах (Канта, Гегеля и Хайдеггера) совмещаются с историческим развитием, см. глубокое и подробное исследование: [11].

¹⁵ Неокантовская модель истории философии Виндельбанда до сих пор используется как один из востребованных и популярных учебников по истории философии.

рый занимался *всего лишь* поиском ошибок прежних поколений и их исправлением, новым формулированием, а скорее переформулированием, то есть актуализацией и пересмотром старых концепций и проблем на свойственном ему языке и стиле мышления? Но независимо от того, как историки философии отвечают на этот вопрос, мы подчеркнем: даже если Кант всего лишь исправлял прежние ошибки, ему удалось переформулировать предшествующие концепции таким образом, что это перевернуло, в буквальном значении слова «революция», всю философию. Развитию исторического поворота поспособствовала кантовская идея прогресса разума, которая повлияла на концепции исторического развития, особенно на философию истории Гегеля, посткантианская философия в свою очередь уточнила и развила эти идеи, что в конечном итоге привело к укреплению исторического подхода в XX в. В конце XX в., после нескольких десятилетий доминирования аисторической идеологии в аналитической философии, возникает течение «нового историзма», который представлен такими именами как Ч. Тейлор, А. Макинтайр и М. Сэндел, которые критикуют аналитические концепции морали и справедливости за отказ видеть в этих концепциях значительную составляющую исторической обусловленности, в частности, недостаточную историзацию субъекта, разума и справедливости. Особенной критике подвергались идеи Дж. Ролза, который, тем не менее, также входит в число участников этого течения наряду со С. Кавеллом, У. Селларсом, Дж. Шнеевиндом, Р. Брэндомом, Р. Бернстайном и др. Важным аспектом нового историзма является не только следование гегелевским установкам, но и непременная критика претензий кантовского подхода на универсализацию, в том числе морали и справедливости¹⁶.

Необходимость считаться и отвечать на вызовы историзма в каждой из его новых эволюционных форм повлекла череду буквально *поворотных моментов* для философии, поскольку ей пришлось отказаться от поиска вечных истин и сосредоточиться на контекстуальной обусловленности знания, что было несвойственно ей в предшествующие возникновению историзма эпохи, но стало основой для совре-

¹⁶ Подробнее см.: [17, р. 55–70].

менной философии и гуманитарных наук. Сохраняющаяся установка на то, что системное философское мышление формируется не универсальными рациональными принципами, а исторически обусловленными проблемами, говорит о том, что исторический поворот состоялся.

Литература

1. Вольф М.Н. «Априорная» история философии Канта и Гегеля в историографии философии XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 53–63.
2. Горан В.П. Теоретические и методологические проблемы истории западной философии / Отв. ред. В.Н. Карпович, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филос. и права. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 269 с.
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант, Иммануил. Сочинения в шести томах. М., «Мысль», 1966. (Философ. наследие) Т. 6. 743 с. С. 5–23.
4. Кюн М. Кант: биография / Перевод с английского А. Васильевой, под научной редакцией К. Чепурина. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 608 с. (Интеллектуальная биография).
5. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 480 с.
6. Порти Р. Случайность, ирония и солидарность / Перевод с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 280 с.
7. Amerik K. Kant and the Historical Turn: Philosophy as Critical Interpretation. Oxford: Clarendon Press, 2006. 335 p.
8. Ameriks K. Interpretation after Kant // Critical Horizons, 2009. Vol. 10. Iss. 1. P. 31–53.
9. Bachmann-Medick D. Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture / Transl. A. Blauhut. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. 311 p.
10. Bauer E.J. Historismus / Historizismus // Handbuch religionswissenschaftlicher Grundbegriffe / herausgegeben von Hubert Cancik, Burkhard Gladigow, Karl-Heinz Kohl. Band III. Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer GmbH, 1993. S. 143–155.
11. Beelmann A. Theoretische Philosophiegeschichte: Grundsätzliche Probleme einer philosophischen Geschichte der Philosophie. Basel: Schwabe, 2001. 325 p.
12. Beizer F. Historicism and neo-Kantianism // Studies in History and Philosophy of Science. 2008. Vol. 39, Iss. 4. P. 554–564.
13. Kant I. (n.d.) Handschriftlicher Nachlaß: Lose Blätter zu den Fortschritten der Metaphysik. F3. Ss. 340.25–35, 341.1–15. [Online] Available from: <https://korpora.zim.uni-duisburgessen.de/kant/aa20/> (Accessed: 18th February 2021).
14. Kenny A. The Philosopher's History and the History of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 13–24.

15. *Makkreel R.* Imagination and Interpretation in Kant: The Hermeneutical Import of the Critique of Judgment. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 195 p.
16. *Renz U.* Reason's genuine historicity: the establishment of a history of philosophy as a philosophical subdiscipline in Marburg Neo-Kantianism // *British journal for the history of philosophy*. 2021. Vol. 29, №. 4. P. 694–717.
17. *Stern R.* Hegel and the New Historicism // *Hegel Bulletin*. 1990. Vol. 11 (1–2). P. 55–70.
18. *The Interpretive turn: philosophy, science, culture* / Ed. by D. Hiley, J. Bohman, R. Shusterman. Ithaca: Cornell University Press, 1991. 336 p.
19. *Wilson C.* Kant and the naturalistic turn of 18th Century philosophy. New York: Oxford University Press, 2022. 312 p.

References

1. *Volf M.N.* Apriornaya istoriya filosofii Kanta i Gegelya v istoriografii filosofii XIX veka ['A Priori' History of Philosophy of Kant and Hegel in the 19th-Century Historiography of Philosophy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science] 2021. № 63. S. 53–63. (In Russ.).
2. *Goran V.P.* Teoreticheskie i metodologicheskie problemy istorii zapadnoy filosofii [Theoretical and Methodological Problems in the History of Western Philosophy] / Ed. by V.N. Karpovich. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN. 2007. (In Russ.).
3. *Kant I.* Ideya vseobshchey istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane [Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose] // *Kant I. Sochineniya v shesti tomakh* [Collected Works in Six Volumes] 1966. Vol. 6. Moscow: Mysl'. P. 5–23. (In Russ.).
4. *Kühn M.* Kant: biografiya [Kant: A Biography] / Trans. from English by A. Vasileva; scientific ed. by K. Chepurin. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANHiGS. 2021. 608 p. (Intellektual'naya biografiya). (In Russ.).
5. *Meinecke F.* Vozniknovenie istorizma [The Origins of Historicism] / Trans. from German. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 2004. (In Russ.).
6. *Rorty R.* Sluchaynost', ironiya i solidarnost' [Contingency, Irony, and Solidarity] / Trans. from English by I. Khestanova, R. Khestanov. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. 1996. (In Russ.).
7. *Ameriks K.* Kant and the Historical Turn: Philosophy as Critical Interpretation. Oxford: Clarendon Press. 2006. 335 p.
8. *Ameriks K.* Interpretation after Kant. // *Critical Horizons*. 2009. № 10 (1). P. 31–53.
9. *Bachmann-Medick D.* Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture / Transl. A. Blauhut. Berlin, Boston: De Gruyter. 2016. 311 p.
10. *Bauer E.J.* Historismus / Historizismus // *Handbuch religionswissenschaftlicher Grundbegriffe*, Bd. III / Ed. by H. Cancik, B. Gladigow, K.-H. Kohl. Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer GmbH. 1993. S. 143–155.

11. *Beelmann A.* Theoretische Philosophiegeschichte: Grundsätzliche Probleme einer philosophischen Geschichte der Philosophie. Basel: Schwabe. 2001. 325 p.
12. *Beizer F.* Historicism and neo-Kantianism. *Studies in History and Philosophy of Science*. 2008. № 39(4). P. 554–564.
13. *Kant I.* (n.d.). Handschriftlicher Nachlaß: Lose Blätter zu den Fortschritten der Metaphysik. F3. S. 340.25–35, 341.1–15. [Online] Available from: <https://korpora.zim.uni-duisburgessen.de/kant/aa20/> (Accessed: 18th February 2021).
14. *Kenny A.* The Philosopher's History and the History of Philosophy // *Analytic Philosophy and History of Philosophy* / Ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York: Oxford University Press. 2005. P. 13–24.
15. *Makkreel R.* Imagination and Interpretation in Kant: The Hermeneutical Import of the Critique of Judgment. Chicago: University of Chicago Press. 1990. 195 p.
16. *Renz U.* Reason's Genuine Historicity: The Establishment of a History of Philosophy as a Philosophical Subdiscipline in Marburg Neo-Kantianism. *British Journal for the History of Philosophy*. 2021. № 29 (4). P. 694–717.
17. *Stern R.* Hegel and the New Historicism. *Hegel Bulletin*. 1990. № 11 (1–2). P. 55–70.
18. *Hiley D., Bohman J., Shusterman R.* (Eds.). The Interpretive Turn: Philosophy, Science, Culture. Ithaca: Cornell University Press. 1991. 336 p.
19. *Wilson C.* Kant and the Naturalistic Turn of 18th Century Philosophy. New York: Oxford University Press. 2022. 312 p.

Информация об авторе

Вольф Марина Николаевна – Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).

rina.volf@gmail.com

Information about the author

Volf, Marina Nikolaevna – Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russia).

rina.volf@gmail.com

Дата поступления 10.07.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.